

Субстандартные особенности восточнославянских языков в переводах В. Шукшина (уровневый анализ)

ЗОЯ КЁСТЕР-ТОМА

(Берлин)

Передача разговорно-просторечных, фразеологических и жаргонных языковых элементов в произведениях русских писателей на близкородственные языки является одной из самых актуальных тем в современной славистике. Не останавливаясь на общих проблемах перевода, которые будут показаны нами в отдельной публикации, остановимся в данной статье на специфике перевода русского субстандарта на восточнославянские языки на уровнях срезах.

1. Фонетический уровень

На фонетическом уровне полного соответствия русскому оригиналу переводы не дают. В. Шукшин же в речь своих героев вкладывает такие фонетические особенности, которые сразу же изобличают в них либо носителей просторечия, либо носителей диалекта. В рассказе *Страдания молодого Ваганова*, например, одной из характерных речевых черт речи жены Попова является северно-русское стяжение гласных в глагольных формах третьего лица единственного числа настоящего времени:

„И там огород посажен, и здесь... Вот она и *успеват* – ездит, жена-то его: там огород *содерживат* и здесь, – *жадничат*, в основном.” (С 37)

В украинском тексте, естественно, эти просторечно-диалектные характеристики отразить было трудно, поэтому Г. Тютюнник ограничивается достаточно нормативной речью:

„І там город посаджено, і тут... От вона й *устигає* – їздить, жінка його: там город *порає* і тут, *жадують*, щоб сказати.” (152)

Близки к этому случаю передачи просторечно-диалектных форм типа *ошибёся* (С 44) – *помилишся*. (157)

Понятно, что некоторые фонетические особенности можно отнести к индивидуально-стилистическим. Некоторые исследователи творчества В. Шукшина, например, находят у него такие фоно-фонематические и даже морфологические особенности, как звуко-фонемные повторы („ол” – „ло”, „ел” – „ле”) или „импрессионистические мелодии” типа „чаг”, „чк”, „кач” (Лопутько 1992). От такого рода особенностей идиостиля я в настоящей статье вынужденно отвлекаюсь. Замечу только, что родство языков даёт возможность достаточно легко преодолеть и трудности в адекватной передаче и близких к таким особенностям. Так, рассказ *Страдания молодого Ваганова* кончается тем, что герой пишет слово „приезжай”, а затем „установился в *айкающее* слово” (В 45). Переводчику не составляет труда передать эту фонетическую фигуру, основанную на морфологическом сходстве русского *приезжай* и украинского *приїжджай*: „... і втупився у це *айкаюче* слово” (158). Легко представить, однако, сколь твёрдым орешком для перевода этот пассаж стал для немецкого переводчика (ср. немецкий перевод слова *приезжай* словом *komm* и далее: „...er startte dieses *kurze donnerhafte* Wort an” – перевод П. Гроссе).

2. Словообразовательный уровень

Сопоставление текстов оригинала и переводов на словообразовательном уровне показывает достаточно большие сходства в интересующем нас аспекте. Вместе с тем, несмотря на родство языков, здесь прощупываются и достаточно важные различия, повторяемость которых заставляет заподозрить их типологический характер.

Исследователи отмечали стилистическую специфичность использования В. Шукшиным слов одного словообразовательного типа в целях усиления „звучания” семантики типа – особенно широкое обращение его к глаголам со значением ‘интенсивно и длительно совершать действие’: *изнервничался*,

испсиховался; надёргаешься, наорёшься, нагляжусь, нарадуюсь и т.п. (Иванова 1992: 169; Морозов 1992: 173). Специфичность эта, как мне кажется, вызвана именно фактом широкого использования писателем разговорно-просторечных словообразовательных средств, к которым относятся в русском языке префиксы *из-*, *ис-*, *на-*. Этот факт, собственно, подчёркивается в новейших исследованиях.

„Широкое использование не кодифицированных литературной нормой постфиксальных и префиксально-постфиксальных глаголов выступает одной из наиболее ярких черт, характеризующих авторский набор лексико-словообразовательных средств языковой выразительности” – пишет А. В. Морозов (1994: 171).

Как реагируют на них переводчики и, соответственно, системы близкородственных языков?

Любопытно, что ситуация здесь отличается весьма значительной нюансированностью. Префиксы *из-*, *ис-* на украинский язык передаются в конкретном тексте тем же корнесловом, но с префиксом *на-*:

„Он устал от письма. Он начинал его раз двенадцать, рвал листы, изнервничался, испсиховался и очень устал.” (С 40)

„Він зморився від листа. Він починав його разів дванадцять, рвав аркуші, нанервувся, насердився і дуже втопився.” (154)

Характерно, что белорусская переводчица „спасовала” перед трудным префиксом *из-* в глаголе *иззавидовались* и оставила его в соответствующем контексте вообще не переведённым:

„Серёга презирал их всех. Они же не знали, какая она... О люди! Все *иззавидовались*, черти...” (Б19)

„Сяргей ненавідзеў іх усіх, бо яны ж не ведалі, якая яна... Ах людзі! Не могуць яны спакойна бачыць, калі каму-небудзь пашанцуе...” (22)

Взаимозаменяемость активных словообразовательных средств в разговорно-просторечном узусе восточнославянских языков вообще, судя по наблюдениям за переводами, является характерной типологической особенностью этого уровня. Поэтому язык перевода нередко „сопротивляется” прямому перенесению префиксов одного языка в другой: рус. *подсобрать материал* (ПС 263) – укр. *зібрати матеріал* (220), *подсобрался* (ВР 78) – *напружився* (198), *ветер поослаб* (О 145) – *вітер помітно слабшав* (208), *голова усунулась* (В 58) – *голова сховалась* (70) и др. Разумеется, что в

массе материала исследователь найдёт и случаи полного схождения: *пришлѣпаем* (П 213) – *приплуганимося* (213), *проторчал* (О 137) – *простирав* (200), *не изжитое жизнью* (О 143) – *не зжите життям* (205).

Они являются своего рода фоном, на котором различия языковых систем выступают особенно рельефно.

Не менее показательны и материалы, которые дают переводы для изучения типологических различий в суффиксальных системах. На уровне *langue*, казалось бы, система уменьшительных суффиксов в русском, украинском и белорусском языках должна была быть тождественна, ибо эти языки обладают практически равным набором соответствующих словообразовательных средств. Однако, – и это некоторый „сюрприз” – на уровне *parole* творчества В. Шукшина и его переводов русская деминутивность значительно усекается, даже девальвируется.

Так, белорусская переводчица последовательно передаёт ключевое для рассказа *Случай в ресторане* слово *старичок* (один из двух главных героев), которое переведено более 20 раз словом *стары*. Это могло бы показаться случайным, если бы и в других случаях достаточно последовательно уменьшительные формы не передавались нейтральными: *затряс головкой* (СР 255, 249) – *затрос галавой* (1), *бутылочку* (СР 250) – *пляшку* (1) и др.

Нужно сказать, что Т. Мартыненка в своём переводе пытается в других местах и адекватно передавать подобные формы (ср. *полированную головку* – *палірованую галовку*, *добрый шашлычишко* – *добры шашлычышка* и др.) или даже компенсировать такую „нивелировку” уменьшительности, – например, передавая слово *шашлыки* (СР 250) уменьшительным *шашлычки* (1). Но – *en gros* – тенденция к снижению „уменьшительности” в языке перевода явно вырисовывается.

В украинских переводах она не менее показательна. Хотя и здесь достаточно случаев полного совпадения уменьшительных форм (*детишки* О 141, 143 – *дітки* 203, 205, *наскрѣб деньжат* П 212 – *назбирав грошеньят* 214), можно зафиксировать и немало примеров, аналогичных отмеченным выше в белорусских переводах: *под вечерок* (В 55) – *надвечір* (66); *здоровьишком пока не жалуется* (О 142) – *здоров'я поки що не скаржитись* (204); *игра в прятки* (П 206) – *гра в жмурки* (209) и т.п.

Иногда лишение деминутива снижает просторечную окраску русского текста. Так, в рассказе *Беспалый* слово *большоко* намерено употреблено героем в уменьшительной форме, поскольку отражает привычное для русских „патриархальное” распределение труда в семье на „женский” и

„мужской”, почему *бельишко* и получило уменьшительно-уничижительную форму. Это, между прочим, эксплицитно выражено и в самом шукшинском тексте:

„Серёга бросил совсем выпивать, купил стиральную машину и по субботам *крутил бельишко* в предбаннике, чтоб никто из зубоскалов не видел. Мать Серёги не могла понять: хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде как-то не пристало мужику бабскую работу делать, с другой стороны... Шут её знает!” (Б 19).

В украинском языке из-за потери уменьшительной уничижительности патриархальная мысль о том, что „не пристало мужику бабскую работу делать” несколько померкла:

„Серьога кинув зовсім випивати, купив пральну машину і в суботні дні *крутив белизну* в предбаннику, щоб ніхто з зубоскалів не бачив. Сергієва мати не могла збагнути: добре це чи погано. З одного боку, ніби яось не личить чоловікові жіночну роботу робити, з другого боку [...]” (160-161)

Точно также – из-за близкого статуса деминутивных форм в белорусском языке слово *бельишко* оказалось нивелированным и в переводе Т. Мартыненка:

„Кінуў зусім піць, купіў пральную машыну і ў суботу *круціў бялізну ў* прадлазніку, каб ніхто з зубаскалаў не бачыў [...]” (22)

Сравните и редкие случаи обратной „деминутивизации” переводного текста: „бил в *самое* дыхало” (Вр 75) – бив під *самісеньке* дихало” (195).

Как интерпретировать спонтанно отражённые переводчиками факты?

Я не решаюсь пока со всей определённой ответить на этот вопрос – моя задача в первую очередь продемонстрировать факты как „информацию к размышлению”. Но предварительно можно сказать, что это сопоставление подтверждает наблюдения некоторых исследователей русского просторечия, в котором деминутивизация имеет тенденцию к активизации особенно в сфере так называемых „бытовых услуг”. В так называемом „магазинном” общении, например, деминутивные формы нередко используются как „вежливо-самоуничижительные”: „взвесьте мне *колбаски*”, „дайте мне *сахарку*”, „принесите мне *кофейку*” и т.д. Именно в таком ключе обращается молодой человек к официантке в ресторане у В. Шукшина:

– *Бутылочку „Столичной”* и чего-нибудь закусить – распорядился молодой человек... (СР 250).

И то, что белорусская переводчица это переводит в ином словообразовательном ключе, говорит о несколько ином этикете и, может быть, – менталитете:

– *Пляшку сталічнай і якую-небудзь закусь...*(1).

Подобного рода явления нуждаются ещё в более детальном социолингвистическом исследовании. Ясно, однако, что и здесь В. Шукшин с предельной адекватностью отразил актуальную для русской разговорно-просторечной стихии словообразовательную особенность. Её, между прочим, отмечают и новейшие исследователи. Так, по наблюдениям Л. А. Пономаренко (1994: 141), „наибольший удельный вес среди всех показателей меры и степени у В. Шукшина занимает деминутивная суффиксация (40,1%)”. Сопоставление с другими языками выявляет эту тенденцию современного русского языка ещё более контрастно.

3. Морфологический уровень

Не менее контрастно высвечиваются в призме сопоставительного анализа и некоторые разговорно-просторечные особенности морфологии. Здесь также противопоставление „норма” ⊥ „антинорма” у В. Шукшина находит нередко своё эксплицитное выражение.

Характерный пример из рассказа *Случай в ресторане*. Официантка дважды употребляет сочетание *сто грамм* в Родительном падеже мн. ч. именно в разговорно-просторечной форме, которая, несмотря на её позднейшую актуализацию, становится уже во времена Шукшина частотной: „Водки только *сто грамм*”; „Положено только *сто грамм*” (СР 250). Старичок-интеллигент упорно склоняет это же словосочетание „по-литературному”, как бы классово противопоставляя себя официантке:

– Знаете, – сказал он официантке, – мне ведь тоже положено *сто граммов?*”;
 „Видите, какой он... Что ему *сто граммов?*”;
 „Наливайте! *Граммов двадцать пять*” (СР 250, 252).

Колебания нормы склонения в русском языке (а тем самым и социальная паспортизация говорящих) остались неотражёнными в белорусском переводе, где все приведённые формы передаются одинаково – сочетаниями *сто грамаў* и *грамаў дваццаць пяць*.

Точно также украинский переводчик вынужден в некоторых случаях идти на нивелировку просторечных падежных форм или форм спряжения, употребляемых В. Шукшиным, напр.: „обижаться *на их* за это” (С 43), *из их* выколачивать (С 44) – укр. *на них* (157), *що з них* (157); *в сельпе* (С 35) – у *сильно* (150); „Обои мы с тобой побирушки” (О 145) – „Обидва ми з тобой старці” (207); „они мне *сигналют*” (Вр 76) – *сигналять* (196) и т.п.

Далеко не всегда, разумеется, „лакунность” форм оказывается характерной для языка перевода. Так, в узусе, зафиксированном в произведениях В. Шукшина, довольно широко представлен так называемый „новый звательный” падеж типа *Валерк! Сергунь! Зой! Аксют! Мань! Маманьк! Грунь! Парнишк!* По справедливому мнению В. П. Проничева (1992: 182), это яркая примета живой разговорной речи. В тексте В. Шукшина обращения способствуют установлению контакта между героями, передают эмоционально-психологическое состояние персонажей (Хисамова 1994: 151). Вместе с тем и сам этот „маркёр” разговорности и речевой паспортизации оказывается недостаточно маркированным в определённых ситуациях. Во многих обращениях формально звательный и именительный падежи оказываются немаркированными. В украинской же падежной системе имеется, как известно, реальная возможность их дифференциации, что и использует Г. Тютюнник. Вот лишь один из примеров такой удачной дифференциации:

– *Чиженька мой*, – ласково, тихо – так знакомо! – говорила Клара, – да что же ты так торопишься-то? (Б 24)

– *Чиженьку мій*, – лагідно, тихо – так знайомо! – шепотіла Клара, – та чого ж ти так поспішаєш? (165)

В некоторых случаях более широкий морфологический диапазон языка перевода может, впрочем, оказать и „медвежью услугу”, приводя к уже упоминавшемуся стилистическому перепаду. Так, в рассказе *Психопат* главный герой – носитель просторечия – склоняет фамилию *Короленко*, что, как известно, противоречит литературной грамотности:

– Лескова надо читать, Лескова!.. Лескова, Чехова, *Короленку*... Потом Толстого... (П 208-209).

В украинском переводе речевая, а вместе с нею и социальная маркированность *Психопата* утрачивается, ибо склонение фамилий на *-ко* является системной и нормированной:

– Лескова треба читати, Лескова!.. Лескова, Чехова, *Короленка*...(211).

4. Синтаксический уровень

В том же ключе можно рассмотреть и некоторые синтаксические явления. Им сейчас уделяется особое внимание в связи с составляемом в Барнаульском педагогическом университете *Словарём синтаксических конструкций по произведениям В. М. Шукшина*. По замыслу составителей, задачей словаря является определить характерные черты синтаксиса писателя и рассмотреть этот индивидуальный синтаксис с точки зрения общезыкового синтаксиса, а единицей словарного описания станет реализация структурной схемы предложения с особым упором на семантику (Ставская 1994). На значимость синтаксического материала произведений В. Шукшина для исследования русской разговорной речи эксплицитно и имплицитно, указывал проф. В. Гладров (Gladrow 1984: 32: 106). Высоко оценивает этот материал и О. А. Лаптева, подчёркивающая, что „интереснее всего проследить за отражением разговорного синтаксиса, так как он, во-первых, менее заметен неискушенному уху и, во-вторых, в реальной языковой системе ограничивается шестью чёткими типизированными моделями и небольшим числом собственно устных особенностей” (Лаптева 1992: 140). По её мнению, отражением разговорно-просторечной стихии у писателя являются конструкции с именительным темой в позиции субъекта (в четырех модификациях); конструкции бессоюзного подчинения; двойные глаголы, добавление и конструкции с „кто” (там же, с. 141). Другие исследователи в качестве характерных для В. Шукшина особенностей отмечают и обилие именных оценочных конструкций (Проничев 1989), особые модификации порядка слов (Шуришина, Андреева 1989) и др. Сопоставительной славистике ещё предстоит определить, что в этом перечне синтаксических явлений является элементом стиля В. Шукшина, а что – отражение общих тенденций русской разговорной речи. Работы, на которые я ссылаюсь, свидетельствуют, что второе явно преобладает.

Случаи фонетических, словообразовательных, морфологических и синтаксических различий, которые вскрываются сопоставлением со славянскими языками, можно интерпретировать двояко. С одной стороны, вслед за многими шукшинистами, видеть в отдельных элементах характерные особенности стиля писателя. Так, например, в актуализации грамматической формы числа в рассказе *Психопат* видят „своего рода сюжетобразную функцию” (Лопутько 1992: 119), в функциональных смещениях грамматического рода (контекстуальном назывании мужчин

словами женского рода) – достижение экспрессивности (Миронова 1989: 126: 128), в актуализации тех или других элементов языковой системы – целенаправленную семантизацию формальных её элементов (Ефанова 1991: 173), а в употреблении просторечия в целом – мотивацию авторской оценкой изображаемых лиц и явлений (Фролов 1994, 150). При таком подходе отмеченная „лакунность” в передаче некоторых из вышеописанных языковых данных пришлось бы трактовать как недостаточную качественность соответствующих переводов. С другой стороны, – можно в случаях подобной „лакунности” обнаруживать отражение просторечно-разговорной системности русского языка, её специфику, высвечиваемую сквозь призму адекватного сопоставления. Ведь как мы увидим ниже, хороший переводчик нередко прибегает к компенсации утраченного иными стилистическими средствами. Сам же факт трудности решения при переводе – показатель важных типологических различий, которые для лингвиста могут стать отправным пунктом для специальных разысканий.

5. Лексико-фразеологический уровень

При определении разговорно-просторечного характера текста, как известно, весьма большую прагматическую ценность имеет лексико-фразеологический материал. Он, собственно, и для носителя языка, и для читателя, и для переводчика является основным маркёром субстандартности. Для русского языка, как показывает наш опыт работы над изданием *Словаря русского просторечия*, именно лексика оказывает сейчас решающее влияние на „расшатывание нормы” и на интенсивную демократизацию современного узуса. В. Шукшин в своих произведениях фотографически точно отразил этот процесс, делая именно лексику и фразеологию доминирующим характерологическим признаком своих героев.

Потребность в экспрессии заставляла писателя отбирать разговорно-просторечные лексемы и фраземы из самых разных грамматико-семантических и предметно-тематических сфер. Для удобства анализа рассмотрим их именно под семантико-грамматическим и предметно-тематическим ракурсом.

5.1. Существительные

Большую группу разговорно-просторечной лексики образуют существительные. Тематически в ней доминирует *эмоционально-оценочная лексика* и *фразеология*, что во многом объясняется её использованием в речи персонажей, отношение к людям которых требует эксплицитного выражения. Так, в рассказе *Три грации* такое отношение „определяется воинствующей злобой и трусливой подлостью”, что и фиксируется в эмоционально-оценочной и эмоционально-экспрессивной лексике и поддерживается организацией единиц других уровней художественного текста: *алкоголик, глот, дуло, чурка с глазами, пень дремучий, кулацкая морда, куркуль недорезанный* и др. (Горюнова, Иванова, Пищальникова 1989: 115-116). Отмечая обилие грубовато-экспрессивных лексем типа *хам, мерзавец, дармоедка, шмакодьявки, прорва, харя ты некрещенная*, некоторые исследователи в особые группы выделяют и существительные, созданные на основе образов-символов, – например, метафор-зоонимов: *козёл, баран, тюлень, филин, ехидна, собака* и т.п. (Литвинникова 1989: 121).

Сопоставление русских, украинских и белорусских существительных этого типа обнаруживает довольно большой „общий фонд”: рус. *собака* (Д 236) – укр. *собака* (236), *бугай* (ПС 263, 264) – *бугай* (220), *лахудры* (Д 236) – *лахудри* (75), *паразиты* (Д 246) – *паразити* (84), *черти* (Б 19; Вр 78) – *чорти* (160; 198), *псих* (Д 245) – *псих* (83), *очкарик* (ПС 260) – *очкарик* (218). Во многих случаях, однако, такие лексемы передаются иным, собственно украинским, лексиконом: *пичужка* (В 59) – *пташка* (71), *дуры* (Д 236) – *дурепи* (75), *волосатики* (Д 235) – *патлатики* (74), *косматые* (Д 247) – *патлаті* (84), *полудурок* (Д 244) – *пришелепуватий* (82), *сопьяк* (Д 240, 244) – *шмаркач* (78, 82), *валенок* (В 60) – *тохтій* (72).

Как видим, эта группа существительных в основном представлена характерологическими обозначениями лиц. Любопытно, что в свете сопоставительного анализа и подобная лексика с меньшим эмоционально-экспрессивным потенциалом передаётся переводчиками по-разному.

Мы уже приводили пример „дедеминутивизации” слова *старичок* при переводе его белорусской лексемой *стары*. Ещё более дифференцирован перевод слова *детина*, которым обозначен главный герой рассказа *Случай в ресторане*. Переводчица в начале рассказа передаёт его однокоренным словом *дзяцюк* (14 употреблений), затем – словом *хлопец* (7 употреблений), затем описательным синонимом *лесаруб* (одно употребление) и *сібірак* (2)

или просто местоимением *яго*. В конце рассказа эквивалентом слова *детина* уже становится „кондово” белорусская лексема *сябр*, употреблённая дважды. Нужно сказать, что такая дифференциация соответствует композиционной логике текста и в принципе отражает семантическую амплитуду русского просторечного *детина*, которым в рассказе в основном пользуется сам В. Шукшин. Показательно при этом и другое – разговорное слово *парень*, употреблённое писателем 5 раз как синоним слова *детина*, последовательно передаётся лишь белорусским *хлопец*.

К группе наименований лиц у В. Шукшина тяготеет и довольно активная группа слов-обращений. Не буду останавливаться на ней подробно, отмечу лишь, что сопоставительный анализ обращений у В. Шукшина ещё раз демонстрирует большую общность этой лексики в восточнославянских языках, что является свидетельством их древности. Такие „патриархальные” обращения, как *батя* (СР 249-251), *сынок* (СР 250) и под. передаются, так сказать, „близко к тексту”: белорус.- *баця, сынок*; укр. – *батько, синку*. Естественно, что на функционально-грамматическом уровне такие лексемы подчиняются законам конкретного языка. Украинские обращения *голубчик* и *карга*, аналогичные русским, в тексте перевода, например, употребляются в звательном падеже: *Голубчик ты мой...* (П 211) – *Голубчику ты мій...* (213); *Лечись, карга...* (П 211) – *Лікуйся, карго...* (213)

5.2. Прилагательные

Характерологическая функция, отмеченная мною для существительных разговорно-просторечной сферы, не менее свойственна и для прилагательных. Отмечая в целом небольшую частотность данной частеречной лексики у В. Шукшина (Скворецкая, Трушина 1992: 140), исследователи подчёркивают, что изобразительно-выразительная значимость имён прилагательных в рассказах В. Шукшина основывается не только на компоненте эмоциональной оценочности, но и на качественно-количественных характеристиках называемого признака и образности (там же, 143). Сопоставление подтверждает такие наблюдения уже потому, что переводчики во многих случаях довольно точно придерживаются текста Шукшина. Отсюда, например, тождественные отношения русских и украинских пар прилагательных: *шикарная квартира* (Вр 80) – *квартира шикарна* (208); *не двужильный* (Б 19) – *не двужильний* (161); *обшарпанный, заляпанный* (С 45) – *обшарпанений, заляпаний* (158).

Такая точность помогает во многих случаях сохранить характерологичность прилагательных у Шукшина. Так, в рассказе *Беспальный* прилагательное *варёный* повторяется дважды как лапидарная, по сути дела единственная, но уничтожающе точная характеристика первого мужа Клары (видимо, её собственная):

„Она, оказывается, была уже замужем, но муж попался »варёный какой-то«, они скоро разошлись. Серёга от одного того, что первый её муж был »варёный«, ходил, выпятив грудь, чувствовал в себе силу необыкновенную.” (Б 18-19)

Г. Тютюнник точно воспроизводит этот эпитет, известный и украинскому языку:

„Вона, виявляється, була вже одружена, але чоловік був »варений якийсь«, вони скоро розійшлися. Серьога від одного того, що перший її чоловік був »варений«, ходив, випнувши груди, відчував у собі силу незвичайну.” (160)

Столь же адекватно передаётся этот пассаж и белорусской переводчицей:

„Яна, як пася высветлілася, была ўжо замужам, але муж папаў »вараны нейкі«, і яны хутка разышліся. Сяргей ад аднаго таго, што першы яе муж быў »вараны«, хадзіў неяк ганарліва, адчуваў у сабе незвычайную сілу.” (22)

Не менее удачны передачи подобной характерологичности и экспрессивными прилагательными, расходящимися по корнеслову от шукшинских, – например: рус. *сдвинутый* (П 206) – укр. *звихнутий* (208); рус. *заковыристая картина* (П 210) – укр. *загогулиста картина* (213).

Иногда это расхождение доходит до описательного перевода. Такова передача прилагательного *показушный* (В 57) словосочетанием *удав, що дуже голодний* (69) в переводе рассказа *Медик Володя*.

Потенциальное наличие тождеств и расхождений даёт переводчикам возможность довольно широкого выбора. Языковой вкус переводчика и „вчитываемость” в смысловые и функционально-стилистические глубины шукшинского текста в таких случаях являются основными критериями удачности такого выбора. Рассказ *Упорный*, например, в 1975 г. был переведён на украинский язык Надеждой Николенко, и лишь позднее – Г. Тютюнником. Оба переводчика по-разному интерпретируют характер главного героя и потому по-разному переводят прилагательное, использованное Шукшиным как название-кличка героя – изобретателя-самоучки Мони Квасова, задумавшего сконструировать вечный двигатель. Видимо, интерпретируя этот факт как свидетельство целеустремлённости героя, переводчица

передает название украинским прилагательным „затятий”. Г. Тютюнник же, видимо, стремится подчеркнуть иное свойство характера Мони – его упрямство – и потому перевел название рассказа как *Упертий* (Иваненко 1989: 230-231). Такого рода примеры показывают цепкую взаимосвязь характерологических слов у В. Шукшина со всем текстом рассказа.

5.3. Глаголы

По количественной представленности в произведениях В. Шукшина разговорно-просторечная глагольная лексика занимает первое место. Это вполне естественно вытекает из динамичности глагола как такового и из аргональной специфики сюжетов большинства произведений В. Шукшина, наполненных действием. Исследователи подчёркивают как характеричность глаголов, употребляемых писателем, так и их отнесённость к разговорно-просторечной и даже диалектной сферам. Причем характеристика персонажей, структурный признак в которой выражен глаголом-характеристикой, даётся им обычно лапидарно, даже скупой, и признаки характеристики (свойства характера, привычки, профессия и др.) разбросаны по всему рассказу (Хамаганова 1992: 195). Не только действие, но и психологическое состояние многих героев Шукшина, нередко изображаемых в момент наивысшего накала страстей, состояния эмоциональной напряжённости, передаётся рядом лексических приёмов, среди которых особое место занимает градуирование глагольных рядов просторечно-разговорной окраски (Пищальникова 1992: 175).

Одним из таких рядов является ряд „ударных” глаголов. Этот ряд, можно сказать, лингвистически обыграл сам В. Шукшин в эпизоде из его киноповести *Печки-лавочки*, где профессор Степанов экзаменует Ивана Расторгуева на предмет владения родной речью. При этом употреблено 15 синонимов на тему „бить, ударить”: *ударил, вломил, жогнул, тяпнул, наподдал, хряпнул, ломанул, перелобанил, окрестил, саданул, врезал, смазал, пиннул, пнул, взял на калган*.

Украинский язык, как показывает перевод Г. Тютюнника, „даёт возможность воссоздать самые химерные синонимические вариации” (Иваненко 1989: 230). И этот ряд им передан блестяще: *вдарив, зацідив, хедекнув, уперічив, всипав, хряснув, обербенив, примакітрив, угетелив, садонув, врізав, мазонув, труснув, узяв на кумпол...*

Важно при этом, что подобные переводы не только воспроизводят общий экспрессивный рисунок текста, но и ту „соразмерность использования сниженных элементов”, которая у Шукшина достигается включением их в один синонимический ряд с лексикой нейтральной (Черняк 1989: 142).

Подобную синонимическую активность развивают и другие глагольные ряды – например, лексемы, подводимые под словарное значение ‘бранить, критиковать’, синонимизацию которых можно представить как диалектическое взаимодействие сходства и различия, включающее как языковую (парадигматическую), так и речевую (окказиональную) синонимию (Прошин 1989: 76).

Стилистический регистр глаголов, используемых в произведениях В. Шукшина, не менее широк и полон, чем их количественная представленность. Это позволяет некоторым исследователям (Хохлов 1989: 141) выделить три варианта речевого функционирования лексического значения глаголов:

- 1) семантическое варьирование в пределах литературной нормы и актуализации сем в структуре значений современного литературного языка;
- 2) семантическое варьирование и актуализация сем в структуре значений слов общенародного языка;
- 3) наведение сем (или окказиональные семы).

Анализ переводов глагольной лексики В. Шукшина демонстрирует возможности актуальной передачи всех данных трёх вариантов средствами славянских языков. Попытаемся распределить некоторые примеры по степени близости к русским глаголам, употреблённым в оригинале, на три основные группы:

5.3.1. Вербальные тождества, т.е. глаголы тождественного корня, словообразовательной структуры и семантики:

а) русско-украинские: *набухал* (ПС 266) – *набухав* (233); *крякнул* (ПС 266) – *крякнув* (222); *озверела* (Вр 79) – *озвірила* (199); *захапал* (Б 18) – *захапав* (159); *замордовала* (Б 20) – *замордувала* (161); *заездила* (Б 20) – *заїздила* (161); *запрягайся* (Б 20) – *запрягайся* (161); *нарвался* (Д 239) – *нарвався* (77); *ворохнётся* (Д 245) – *ворухнеться* (162); *захомутать* (Д 243) – *захомутати* (81); *шарахнул* (ПС 266) – *шарахнув* (266); *саданул* (Вр 80) – *садонув* (199); *хохмили* (В 56) – *хохмили* (68); *стрельну* (сигареты) (ПС 267) – *стрельну* (223); *напаскудил* (В 60) – *напакотив* (71); *дулись в преферанс*

(ПС 266) – *дулися в преферанс* (222); *голосуєт на дороге* (П 22) – *голосус на дорозі* (214); *маленько расслабитися* (ПС 262) – *трохи розслабитись* (219) и др.

б) русско-белорусские: *набухал* (СР 152) – *набухаў* (1д); *крякнул* (СР 253) – *крэкнуў* (2в); *захапал* (Б 18) – *схапіў* (22); *укокошу* (СР 155) – *ўкакошу*; *уоставился* (СР 250) – *ўставіўся* (1); *облапить голову* (СР 254) – *аблапіў галаву* (2в); *плевать* (СР 254) – *пляваць* (2а); *доводилось* (СР 251) – *даводзілася* (1б) и др.

5.3.2. Вербальные расхождения, т.е. глаголы различного корнеслова, общие лишь по семантике:

а) русско-украинские: *трепется* (Д 236) – *теревенить* (75); *ляпнул* (Б 56) – *бовкнув* (68); *брякнул* (Б 22) – *бовкнув* (163); *зачастила* (Д 239) – *заторочила* (77); *ошарашила* (Б 24) – *ошелешила* (165); *ерепениться* (Д 144) – *комозишися* (82); *махнём-ка* (ПС 163) – *гайнемо* (263); *артачиться* (О 138) – *опиратися* (201); *не темни* (Д 245) – *не викручуйся* (83); *ошалел* (ПС 263) – *очманів* (220); *пыжиться* (ПС 265) – *бундручиться* (222); *жогнул* (С 36) – *стусонув* (151); *сладостно зудилось* (С 38) – *солодко бриніло* (153) и др.

б) русско-белорусские: *трахнул* (СР 255) – *бразнуў* (2б); *врезем* (250) – *хипанём* (1); *просаживаю* (СР 252) – *праматываю* (1); *развезло* (СР 254) – *размарыла* (2а); *раздухарился* (СР 257) – *разышоўся* (2д) и др.

5.3.3. Вербально-структурные расхождения, т.е. глаголы, имеющие не только различную корневую, но и словообразовательную морфемы:

русско-украинские: *наломался* (Б 19) – *ухоркався* (61); *накостылять* (Вр 79) – *оддубасити* (199); *выволакивает* (ПС 266) – *цупить з багажника*; *выламывался* (О 139) – *хизувався* (202); *выкинул номер* (П 213) – *устругнув* (215) и др.

При сопоставлении трёх языков можно найти и немало примеров индивидуального подхода переводчика к переводимой глагольной лексике. Так, экспрессивный глагол *кобенился* в рассказе *Осенью* (О 139) передан Г. Тютюнником (202), как кажется, более точно к реальному контексту, чем у самого писателя – украинским глаголом *викаблучиватися* (имеющимся и в

русском языке – *выкаблучиваться*), поскольку речь идёт о манере танцевать напоказ.

В статье были рассмотрены лишь три частеречных групп лексики – существительные, прилагательные и глаголы, особо активные у В. Шукшина и в разговорно-просторечном узусе. Естественно, ту же методику описания можно применить и при сопоставлении разговорно-просторечных лексем, относящихся к другим частям речи, например, наречиям (ср. рус. *заполошно* (Д 239) – укр. *безтямно* (77), *втихаря* (С 43) – *потайки* (157), *невтерпёж* (О 145) – *нетерпячка* (207) и т.п.; междометиям (ср. рус. *кхух!* (ПС 267) – укр. *кхух!* (223); *фи-и...* (ПС 267) – *фи-і* (223); *Фу!* (Вр 78) – *тьху!* (198); *Эхма!* (С 33) – *Гай-гай!* (148) и др.

Особая проблема, возникающая при попытках частеречной характеристики разговорно-просторечных и – шире – субстандартных элементов языка писателя, – группировка фразеологии. Известно, что сочетаемость – один из „подводных камней” теории и практики перевода. Этот факт не менее актуален и для перевода с близкородственных языков. Отмечая, в частности, какие трудности возникают при передаче поэзии Янки Купалы с белорусского языка на русский, Т. Лиокумович подчёркивает, что львиная их доля возникает из-за словосочетаний, которые „расширяют возможности белорусского языка и поэтической образности” (типа *заснуўшыя сталецці* – ‘уснувшие столетия’, *заслону дзен уцекшых адхілі* – ‘завесу дней ушедших отстрани’, *крыўда адвечная спела* – ‘обида извечная зрела’). Далее он справедливо замечает:

„Понятно, что найти самобытным, неожиданным образом соответствующее значение в новой языковой стихии особенно сложно. Тем более когда у Купалы целые строфы написаны такими словосочетаниями:

Скрыгатаюць грудзі боллю,
Сэрца ссе нуда-вужака,
Звод скрабе ў душы агнісце
Будзіць будніа ў паміны.

Отсюда становится понятным, почему среди переводческих погрешностей, которые более всего ослабляли силу и выразительность купаловских произведений, самые распространённые две, взаимосвязанные: неумение передать национальные особенности поэта и прилаженность русского текста, подгонка его под переводческий стандарт. Чаще всего именно это приводило к нарушению купаловского стиля и лишало его в переводе индивидуальной окраски” (Лиокумович 1981: 189).

По нашим наблюдениям, больших стилистических смещений такого рода при переводе текстов В. М. Шукшина на белорусский язык не наблюдается. Возможно, это обусловлено как прозаическим их характером, так и тем, что они отражают разговорно-просторечную стихию более „зеркально”, чем у Янки Купалы. Кроме того, фразеология В.М. Шукшина тесно связана с лексикой, что также несколько облегчает перевод.

Покажем связь (в том числе и с точки зрения грамматической семантики) лексики и фразеологии на одной группе фразеологизмов, особо активно используемой В. Шукшиным для создания „просторечной ауры”. Это фразеологизмы, в состав которых входят мифологемы, т.е. наименования злых духов или Бога. При относительно общем наборе таких лексем в восточнославянских языках обращает на себя внимание, тем не менее, различная реакция переводчика на такие обороты.

Так, немало фразеологизмов с компонентом *чёрт* на украинский язык передаются выражениями с тем же компонентом: *чёрт знает что такое* (Вр 76) – *чорт знає що таке* (196); *чёрт знает как* (ПС 263) – *чорт знає як* (220); *чёрт знает что* (П 208) – *чорт знає що* (211); *чёрт с ней* (С 34; В 60) – *чорт з нею* (149; 71); *Чтоб вас чёрт побрал с вашими бородами* (П 208) – *Щоб вас чорт забрав з вашими борідками* (211); *Тьфу ты, чёрт!* (С 36) – *Тьху ти, чорт!* (151).

В других случаях переводчик предпочитает передавать эту мифологему словом *біс*: *чёрт знает, что за нервы у него* (Б 22) – *біс його знає, що за нерви в нього* (164); *чёрт возьми* (ПС 262) – *біс його забирай* (219); *чёрт её знает* (С 39) – *біс її знає* (153); *ну её к чёрту!* (С 42) – *ну її к бісу!* (156); *на кой чёрт надо было* (П 206) – *на якого біса треба було* (209); *на кой чёрт мы тогда женимся?* (С 36) – *на якого біса ми тоді женимося?* (157); *на кой чёрт* (Вр 80) – *якого біса* (200); *куда она, к чёрту, ускользает* (П 206) – *куди вона в біс зникає* (209); *что чёрт, что дьявол, что Николай Угодник* (П 211) – *Що біс, що гаспид, що Никола Угодник* (213). Ср. *чёрт их знает, людей* (Б 17) и белорус. *чорт их ведає, гэтых людзей* (22).

Такая „конкуренция” лексем *чорт* и *біс* в украинской фразеологии, использованной Г. Тютюнником, имеет глубокие мифологические корни. Она объясняется исторически. В восточнославянских языках до сих пор, по мнению специалистов (Н. И. Толстого, О. А. Черепановой, В. М. Мокиенко) сохранилось немало следов прежнего язычества и двуверия, т.е. сосуществования язычества и христианства. Доминантное положение лексемы *біс* в украинском по сравнению с доминантой *чёрта* как общего

наименования злых духов в русском отражает архаику украинского языка и его фразеологии по сравнению с русским. И русский, и украинский языки в то же время имеют весьма дифференцированную систему конкретных наименований злых духов и их эвфемистических обозначений, что также нашло отражение в дифференциальном подходе к такой лексике переводчика. Таковы пары мифологем типа рус. *шут его знает* (Б 19) – укр. *лихий його знає* (161) – белорус. *ліха яго ведае* (22).

Характерна и большая актуальность и „естественность” в украинском языке архаичных для русского языка звательных форм сакральных лексем *Бог* или *Господь: Господи, батюшка!* (Б 20) – *Господи милостивий!*; *О боже мой!* (В 59) – *О боже мій!* (71); *Боже мой!* (Вр 79) – *Боже мій!* (199) и т.п.

Как это ни парадоксально, сакральная лексика и фразеология в восточнославянских языках тесно смыкается с инвективами, т.е. бранными и обсценными словами и выражениями, включая так называемый „мат”. На берлинской конференции 1993 года (материалы которой опубликованы в журнале „Russistik”, 1994, № 1-2), эта проблема стала объектом специального обсуждения в связи с общей тенденцией вульгаризации русского литературного языка. Сопоставление структурно-семантических моделей инвективов и мифологизмов, как показал в своём докладе В.М. Мокиенко (1994), свидетельствует об их изоморфизме, далеко не всегда воспринимаемом современными носителями русского языка.

Оценка количества и качества инвективов в произведениях В. Шукшина разными исследователями различна. Так, И.Д. Сухопаров подчёркивает, что „грубовато-экспрессивной лексики” у писателя мало (1992: 192), а Л.А. Пономаренко (1992: 178) – что они имеют „большой удельный вес”. По нашим наблюдениям, инвективная лексика не только употребляется В. Шукшиным весьма часто, но и становится своего рода одним из важнейших специальных маркёров разговорно-просторечного колорита речи персонажей. При этом писатель вновь зеркально отражает одну из особенностей живой речи – „сексизм” русского языка. „Нецензурные слова и выражения в первую очередь характерны для мужских персонажей В. М. Шукшина, – подчёркивает Л. А. Пономаренко. – ‘Низкие’ коллоквиализмы, сленгизмы и нецензурные слова и выражения, вместе взятые, представляют собой экспрессивный интердиалект, противопоставленный реже используемому В. М. Шукшиным социально-профессиональному просторечию, включающему арготизмы и кентизмы” (Пономаренко 1992: 179). Один из исследователей

языка Шукшина – Ю.Д. Каражаев справедливо подчёркивает преобладание в его произведениях инъективов характеризующего (оценочного) типа – *дерьма-то, черти драные* и т.п., благодаря чему можно выстроить своеобразную парадигматическую лестницу употребления этих лексических элементов, напр.: *паскуда – сволочи – гадина – погань – суки – гнида – гнидушка – вонючка – нахал – пала (падла) – шмакодявки* и т.п.

Подобные ряды позволяют „реконструировать диапазон и регистры психовербального мира героев произведений” В. Шукшина (Каражаев 1989: 120).

В спектре сопоставления с родственными языками набор инъективов обнаруживает и большие схождения, и в то же время значительные расхождения. К первым тяготеет общебранная лексика типа: *зараза* (С 35; СР 152) (укр. *зараза* 149; белорус. *зараза* 1ё), *стерва* (Вр 77, 78) – укр. *стерво* (197, 198), *собаки* (С 34) – *собаки* (149), *гад, мелкий гад* (В 59) – *гад, дрібний гад* (71), *гады золотушные* (Д 234) *гади золотушні* (73), *гадина* (О 144) – *гадина* (207), *жуки навозные* (Вр 76) – *жуки гнойовики* (196).

Ко вторым относится большая группа экспрессивных лексем и фразем разного типа – от семантически адекватных метафорических переосмыслений вроде: *слизняк* (С 41) – укр. *слимак* (155) и морфемных соответствий вроде *пустолайка* (Б 19) – *пустобрех* (160), *нахалюга* (С 37) – *нахабисько* (152) до разнолексемных эквивалентов: *молокососы* (О 140) + *халамідники* (202), *сволочи* (Вр 80) – *негідники* (199), *обормоты дремучие* (О 139) – *бевзі дрімучі* (201).

Характерно, что белорусский перевод некоторых из названных слов проявляет большую адекватность украинскому, чем русскому: например, слово *пустолайка* передаётся как *пустабрех* (22).

Любопытно, что „закодированные” или „недоговорённые” писателем по цензурным соображениям обцензизмы или матизмы с эллипсисом известных ругательств переводчики передают практически тождественно, в то время как фонетические и словообразовательные эвфемизмы характеризуются существенной дифференциацией. Вот примеры к первому случаю: *Иди ты!* .. (Б 18) – *Йди ти!*.. (160); *Пошли вы!*.. (О 140) – *Пішли ви!*.. (20); *Послал бы подальше...* (С 44) – *Послав би подалі* (157); *Да пошёл ты к такой-то матери!* (Вр 78) – *Та пішов ти к такій матері* (197); *Мать вашу* (Д 237) – *Таку вашу* (76); *Жалко у пчёлки...* *знаешь где* (Б 19) – *Жалко у бжілки знаси де?* (160); *спутал телятину с ...* (О 138) – *переплутав телятину з...* (201):

Сравните некоторые переводы на белорусский язык: *Иди ты!*.. (Б 18) – *Да ідзі ты!* (22). Они далеко не всегда являются адекватными русскому тексту или его украинскому переводу. Так, обсценный каламбур со словом *жалко* остаётся белорусской переводчицей фактически не переведённым – возможно, из-за пуризма или женской скромности переводчицы:

– Да *жалко* тебя...

– *Жалко у пчёлки...* знаешь где? Вот так. (Б 19)

– *Шкада* цябе...

– Ды кіньце вы!.. (22).

„Лингвострановедческий фон” подсказывает нам, где у *пчёлки жалко* или с чем можно *спутать телятину*. Иное дело – вторая группа эвфемизмов: *Ну, ёлки зелёные!* (С 43) – *Ну, матері його ковінка!* (157); *ё-моё!* (Вр 79) – *Хай їй біс!* (158); *Ну, ё-моё!* (Вр 75) – *Ну, хай їй біс!* (195); *имел я в виду эти фужеры...* (Вр 75) – *На біса мені...* (95).

Эта группа оказывается весьма крепким „орешком” для перевода. Один из знаковых Г. Тютюнника Михайло Слабошпицкий вспоминает в связи с переводами именно таких оборотов:

„Тот перевод забрал у Григора много времени и сил. Он просто не мог его сделать так себе. Много хлопот имел с блатным жаргоном, а также со всеми теми »ё-моё«, »эх-ма«, которым очень трудно было найти соответствия в украинском языке, небогатом на такие лексические слои” (цит. по: Иваненко 1989: 229).

Приведённое свидетельство самого переводчика и примеры переводов инъективов второго типа показательны во многом. Во-первых, передача русских эвфемизмов мата типа *ё-моё* украинскими оборотами *хай їй біс* свидетельствует не только о функционально-семантическом, но и морфологическом изоморфизме мата и древнейших форм проклятий. Во-вторых, они демонстрируют различные способы эвфемизации „неприличного”. В-третьих, их можно трактовать и как намечающуюся дифференциацию даже этой древнейшей лексико-фразеологической группы в близкородственных языках.

При сопоставительном анализе разговорно-просторечной лексики у В. Шукшина мною уже неоднократно подчёркивались как сходства, так и различия восточнославянских языковых систем. Подводя итоги, хочется ещё раз сказать о весьма тонкой нюансированности различий, нащупываемых именно с помощью таких наблюдений за хорошими переводами. Эта

нюансированность позволяет значительно уточнить чисто словарные соответствия. Так, на уровне „языка” русским словам *девка* и *парень*, судя по современным русско-украинским словарям, соответствуют *дівчина* и *хлопець*. При переводе рассказов В. Шукшина эти соответствия, действительно используются часто (ср. Д 244-82). Переводчик, однако, ориентируясь на авторский текст, в нужном случае передаёт его в рассказе *Версия* двумя вариантами: *девка шустрая* (В 60) – *дівка метка* (71) и *вот уж противная девка* (В 60) – *от же вредна дівчина* (72), чем фиксирует важную для современных русских просторечных коннотаций слова *девка* нюансированность. И это глубоко оправдано, ибо это слово употреблено у Шукшина не о деревенской девушке, традиционно обозначаемой словом *девка*, а о студентке, едущей на каникулы домой. Более того, так её называет студент, что говорит о совершенном отсутствии у этого слова „couleur locale” и о переходе его в статус городского просторечия.

Мы уже видели и сетования украинского переводчика на трудности передачи жаргонных элементов у Шукшина на украинский язык. Действительно, немало жаргонизмов, фиксируемых В. Шукшиным, в переводе теряют чисто жаргонный колорит. Так, глагол *гужуемся* (Вр 75, 80) передаётся украинским словом *раюємо, раюєав* (195, 200), а фразеологизм *очко работает* (Вр) – глаголом *перепудився* (198). Но и в таких случаях перевод чаще всего даёт верное семантическое объяснение жаргонизму. Последний оборот, например, связан с русским воровским жаргоном, где *очко* имеет значение ‘зад, заднее место’, часто употребляясь и гомосексуалистами. В сочетании *очко работает* первоначально речь шла о „дрожании от страха”, где *очко* метонимически обозначало *pars pro toto* (т.е. – часть вместо целого). Перевод глаголом *перепудився* Григора Тютюнника в принципе – весьма точная семантизация этого жаргонизма, хотя, может быть, несколько лишённая некоторой квоты экспрессии.

Такой подход свидетельствует отнюдь не об упрощении в передаче жаргонного фразеологизма, а о вдумчивой работе над смыслом. Конечно, во многих языках существует немало фразеологизмов-аналогов, так называемых „нейтральных идиом” типа рус. *пустые слова* – нем. *leere Worte*. Их перевод не представляет труда. Но большинство фразеологизмов языка, на который переводится текст, таких идиом имеет далеко не в избытке. И тогда появляется опасность перевода »подстрочника«, буквализма и актуализации оригинального фразеологизма.

„Особенно много хлопот доставляют фразеологизмы при двустадийной системе перевода, замечает опытный переводчик Герольд Бельгер, обращая внимание на недостаточность использования лишь ‘нейтральной’ идиоматики. – ‘Подстрочникист’, считая своей обязанностью обеспечить дословный, буквальный перевод, механически перекладывает и фразеологизмы, которые в таких случаях всегда вызывают недоумение. Такой буквальный перевод рождает уродцев-страшилищ, вроде ‘сделать одну голову двойной’ (казах. *бір басты екеу етіп*, что попросту означает ‘жениться’). Если моя мать, немка, говорит, к примеру: ‘Девки сами на его спину прыгают’, то у её внучки, привыкшей мыслить и выражаться исключительно по-русски, такой оборот вызывает смех, ибо она пользуется другой формулой: ‘Девки сами на его шею вешаются’” (Бельгер 1986: 73).

Г. Тютюнник, как видим, успешно обошел „подводный камень” буквального перевода жаргонного фразеологизма *очко работает* тем, что передал его нежаргонным глаголом *перепудився*.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что восточнославянские языки имеют и достаточно большой общий „жаргонный фонд”, который также используется переводчиками. Такие слова, как *фраера* (Вр 75, 77), *кадры* (в значении ‘девушки как объект сексуальных домогательств’ – ПС 267), *географичка* ‘учительница географии’ (В 59), *велик* ‘велосипед’ (В 56), *жмурики* ‘покойники’ (В 57), *выступать* ‘проявлять заносчивость или агрессивность, задираться’ (Во 77), *туфта полная* ‘полный обман, мистификация’ (В 57) и многие другие находят полные параллели в украинском переводе: *фраєри* (195, 197), *кадри* (223-224), *географічка* (71), *велик* (68), *жмурики* (68), *виступити* (197), *цілковита туфта* (69).

Эти примеры показывают, что процессы „жаргонизации”, начавшиеся в родственных славянских языках еще в советский период, оставили в них довольно эффективный общий результат. Более того – специальный анализ, например, школьного и студенческого жаргона (Koester-Thoma 1993) показывает, что этот процесс был процессом взаимодействия языковых систем, а не односторонним усвоением каких-либо жаргонных элементов украинским и белорусским языком. Более того – обогащение русского жаргона во многом проходило за счёт своеобразной его „украинизации”, ибо „Одесса-мама” и „Ростов-папа” (с его южнорусским языковым субстратом) были постоянными поставщиками многих лексем, что и отражено большинством жаргонных словарей, начиная с небольшого словарика Ваньки Беца, изданного, кстати говоря, в начале века именно в Одессе.

Не все разговорно-просторечные или жаргонные лексемы, разумеется, поддаются переводу на украинский и белорусский язык. И здесь, несмотря на языковую близость и „общность исторических переживаний” встречаются лакуны. Исследователь-лингвист в таких случаях должен быть особенно внимателен, поскольку хорошие переводчики могут здесь прибегнуть к методу „компенсации”, теоретически сформулированному, как известно, одним из основателей Пражского лингвистического кружка Вилемом Матезиусом. Так, Г. Тютюнник оставил при переводе рассказа *Медик Володя* жаргонное слово *обвальню* непереверждённым (Б 56), но зато в другом месте текста добавил для компенсации потерянной квоты экспрессивности устойчивое сравнение *як одрізало* (68), отсутствующее в тексте В. Шукшина. В рассказе *Беспальный* грубо-просторечный эпитет *бабский* в сочетании *бабскую работу* (Б 19) им также переведён в смягчённом стилистическом виде – *жіночу роботу* (161). Своеобразной компенсацией, однако, является повышение им квоты „ласкательности” в сцене поцелуя главной героини с двоюродным братом Беспалого Славкой:

– *Чиженька мой*, – ласково, тихо, – так знакомо! – говорила Клара, – да что же ты так торопишься-то?... – *Славенький мой. Чудненький мой... Сладенький ...* (Б 24).

– *Чиженьку мій*, – лагідно, тихо, – так знайомо – шепотіла Клара, – та чого ж ти так поспішаєш?... *Славнесенький мій. Гарнесенький мій... Солодненький...* (165).

Примерно так же поступает и белорусская переводчица, что вполне понятно из-за уже отмеченных непростых возможностей передачи русской деминутивности на белорусский язык:

– *Чыжык ты мой*, – ласкава, ціха, так знайома казала Клара, – і што ж ты так спякаешся?... – *Слаўненькі мой. Цудоўненькі мой... Солодзенькі ...* (23).

Сравните аналогичные попытки экспрессивной компенсации в белорусском переводе, где в диалог официантки и „детины” Т. Мартыненка вставляет наречие *бадай*, отсутствующее в оригинале:

– Два шашлыка, пару салатов каких-нибудь и курицу в табаке.

– Табака, – поправила официантка, записывая.

– Я знаю, – сказал детина. – Я же шучу.

– Всё?

– Да. (СР 251)

– Два шашлыкі, пару салатаў якіх-небудзь і курыцу ў табаку.

- Табака, – поправіла афіціянтка, запісываючы.
- Я ведаю, – сказаў дзяцюк. – Проста жартую.
- Усё?
- *Бадай, усё.* (16)

Переводчице, возможно, показалось, что „дежурный” для разговорно-просторечного обихода каламбур о *цыплёнке табака* (этимологически ничего общего с „табаком”, конечно, не имеющем, а происходящем от кавказского кулинарного термина, восходящего к персидскому *тапак* ‘спрессованный, поджариваемый под тяжёлым гнётом’) требует усиления экспрессивности.

В подобных случаях исследователю текста В. Шукшина и текстов переводов приходится отрывать от строго синхронного анализа и обращаться к истории языка. Это, между прочим, – одна из перспективных возможностей дальнейшего комментария шукшинского текста. В спектре сопоставления со славянскими языками он предстаёт и в своей диахронической „прозрачности”, ибо славянский корнеслов позволяет в сопоставительном ключе реконструировать историко-этимологические основы разговорно-просторечной и жаргонной лексики и фразеологии. Так, в переводе оборота *Бог весть* (В 58), сохраняющего архаичную форму 3-го лица наст. времени, на украинский язык, и эта форма, и значение глагола *весть* максимально проясняются: *Бозна-який* (69). Украинский перевод русской пословицы, употреблённой В. Шукшиным в морфологически диалектной форме *Сор из избы не выносят* (С 43) – *Сміття з хати не виносять* (157) позволяет корректно объяснить историю русской пословицы. Некоторые интерпретаторы пытались толковать её как омонимическое искажение слова *ссора* в родительном падеже, – тем более, что в переносном смысле она и употребляется о домашних сварах, ссорах. Украинское слово *сміття*, входящее в её состав, даёт возможность полностью опровергнуть такие объяснения и связать её со старинным славянским обычаем сжигать мусор в печи, не вынося его за порог жилища: по суеверным представлениям, по мусору можно было „навести порчу” на всех домашних.

Понятно, что историко-этимологический аспект сопоставления разговорно-просторечной лексики у В. Шукшина – дело особое, требующее особых разысканий. Иначе исследование творчества Шукшина может вызвать реакцию, которую можно выразить цитатой-иллюстрацией из уже упоминавшейся мною книги проф. В. Гладрова: „Это не тот Шукшин, которого я люблю” (Gladrow 1984: 106). Но и этот аспект изучения переводов Шукшина, хочется верить, найдёт своих исследователей, как многие другие.

Целью же моей статьи было продемонстрировать те мощные ресурсы разговорно-просторечных и жаргонных языковых элементов, которые содержатся в произведениях В. Шукшина и предложить некоторые приёмы сопоставительного анализа этого богатого материала.

Литература

- Бельгер Г., 1986, *Камни преткновения. – Художественный перевод. Сборник статей.* М.: „Известия”, 1986, С. 58-75.
- Горюнова О. А., Иванова М. Е., Пищальникова В. А., 1989, *Стилистические функции эмоционально-оценочной лексики в рассказе В. Шукшина „Три грации”*, ШЖ 1, С. 114-116.
- Ефанова Л. П., 1991, *Стиль Шукшина-публициста*, Тв, С. 163-173.
- Иваненко В. Г., 1989, *Восприятие творчества В. Шукшина на Украине*, Тв, С. 220-236.
- Иванова Л. В., 1992, *О специфике словообразовательной стилистики в языке В. М. Шукшина*, ШЖ 2, С. 168-170.
- Каражаев Ю. Д., 1989, *Инвективы как архетипические и прагматико-праксеологические формы (перформативы) языка в произведениях В. Шукшина*, ШЖ 1, С. 117-120.
- КНА: *Культурное наследие Алтая. Материалы всероссийских конференций 1990-1991 гг. „Труды краеведческого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая”. в. IV)*, Барнаул, 1992, С. 120.
- Лаптева О. А., 1992, *Разговорная речь в прозе В. М. Шукшина*, ШЖ 2, С. 139-141.
- Лиокумович Т., 1981, *Поэзия Янки Купалы в русских переводах*, Мастерство перевода. Сборник двенадцатый 1979. М.: Советский писатель, 154-191.
- Лопутько О. П., 1992, *К типологической классификации идиостиля В. М. Шукшина (на материале рассказов писателя)*, ШФ 1, С. 116-125.
- Литвинникова О. И., 1989, *Образное слово в повести В. Шукшина „До третьих петухов”*, ШЖ 1, С. 121-122.
- Миронова, 1989: *Миронова, О некоторых языковых средствах социальной характеристики в прозе Василия Шукшина*, ШЖ 1, С. 126-128.
- Мокиенко В. М., 1994, *Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное.* – *Russistik*, С. 50-73.
- Морозов А. В., 1992, *Окказиональное словообразование как одна из составляющих индивидуального стиля писателя (на материале романа „Любовины”)*, ШЖ 2, С. 172-174.
- Морозов А. В., 1994, *Своеобразие языка романа В. М. Шукшина „Любовины” на словообразовательном уровне*, ТШ, С. 167-173.

- Пищальникова В. А., 1992, *К лексической характеристике речи героев В. Шукшина*, ШЖ 2, С. 174-176.
- Пономаренко Л. А., 1992, *Субстандартные элементы в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 2, С. 178-180.
- Пономаренко Л. А., 1994, *Способы выражения меры и степени в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 3, С. 140-144.
- Проничев В. П., 1989, *Именные оценочные конструкции в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 1, С. 132-134.
- Проничев В. П., 1992, *„Новый звательный” в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 1, С. 182-184.
- Прошин А. В., 1989, *Прагматический аспект речи персонажей в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 1, С. 75-78.
- Скворецкая Е. В., Трушина Н. В., 1992, *Поэтика имени прилагательного в рассказах В. М. Шукшина*, ШФ 1, С. 140-148.
- Ставская Е. Н., 1994, *О словаре синтаксических конструкций по произведениям В. М. Шукшина*, ШЖ 3, С. 146-148.
- Сухопаров И. Д., 1992, *Внелитературная лексика в произведениях Шукшина*, ШЖ 2, С. 191-193.
- Тв.: Творчество В. М. Шукшина. Проблемы, поэтика, стиль (труды краеведческого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, вып. 1). Барнаул, 1991,– С. 264.
- ТШ: Творчество В. М. Шукшина, Поэтика. Стиль. Язык. (К 65-летию со дня рождения). Барнаул. 1994, С. 210.
- Фролов Н. К., 1994, *Функции просторечий в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 3, С. 48-150.
- Хамаганова В. М., 1992, *Контекст характеристики и семантика глагольных лексем в рассказах В. Шукшина*, ШЖ 2, С. 195-197.
- Хисамова Г. Г., 1994, *Функции образов в художественной прозе В. М. Шукшина*, ШЖ 3, С. 151-152.
- Хохлов А. В., 1989, *Способы реализации коммуникативных потенций лексического значения глагола в рассказах В. М. Шукшина*, ШЖ 1, С. 140-141.
- Черняк В. Д., 1989, *Текстовая обусловленность отбора синонимических средств в рассказах В. Шукшина*, ШЖ 1, С. 142-143.
- ШЖ 1: В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. 20-21 июля 1989. Барнаул, 1992, С. 177.
- ШЖ 2: В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Вып. 2. Барнаул, 1992, С. 204.
- ШЖ 3: В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. Тезисы докладов III Всероссийской научно-практической конференции 6-8 октября 1994 г. Вып. 3. Барнаул, 1994, С. 175.

- Шуришина Т. И., Андреева Я. Ф., 1989, *Стилистические функции порядка слов в киноповести В. М. Шукшина „Калина красная“*, ШЖ 1, С. 144-145.
- ШФ I: В. М. Шукшин – философ, историк, художник. (Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Вып. III). Барнаул, 1992, С. 174.
- Gladrow Wolfgang, 1984, *Kompletivsätze und Attributsätze im Russischen. Eine Studie zur Struktur und Bedeutung zusammengesetzter Sätze (Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. 151)*, Berlin, 1984, S 153.
- Koester-Thoma S., 1992, *Сопоставительное исследование субстандартной лексики восточнославянских языков (на материале школьной лексики)*. – „Русистика“, № 2, 36-50.

Список источников и их сокращений

- В. М. Шукшин. *Собрание сочинений в 3-х томах. Молодая гвардия*. 1984-1985. Т. 3, 1985.
- Василь Шукшин. *Калина червона. Оповідання. Кіноповісті. Переклав з російської Григір Тютюнник*. Київ „Дніпро“, 1986.
- Б – Беспалый, с. 17-26; укр. перевод, с. 156-167; белорус. перевод, с. 22-23 („Наш современник“).
- В – Медик Володя, с. 55-60; укр. перевод, с. 66-72.
- Вр – Версия, с. 74-80; укр. перевод, с. 194-200.
- Д – Други игрищ и забав, с. 232-247; укр. перевод, с. 72-85.
- О – Осенью, с. 137-205; укр. перевод, с. 200-208.
- П – Психопат, с. 205-213; укр. перевод, с. 208-215.
- ПС – Привет Сивому, с. 261-268; укр. перевод, с. 218-225.
- Р – Рыжий, с. 223-226; укр. перевод, с. 215-218.
- С – Страдания молодого Ваганова, с. 31-45; укр. перевод, с. 146-159.
- Ср – Случай в ресторане, с. 249-257; белорус. перевод, с. 1-2.

Die Besonderheiten der ostslavischen Sprachen in den Erzählungen von V. Schukschin

Im dem Artikel wird anhand der Übersetzungen Schukschins, in ostslavischen Sprachen, die Wiedergabe der umgangssprachlichen Lexik, wie auch Phraseologismen und Jargons untersucht.